

Людмила
ЛИДОВА

В РАЗВОДЕ
НЕ ДЕРЖИ МЕНЯ

Лидия Лидова

В разводе. Не держи меня

<https://litres.ru/74068379>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сын жены погибшего брата мужа называет моего супруга "папой".

На мой немой вопрос муж отвечает, что ему не жалко. Но я чувствую, что за этим скрывается страшная тайна! Наконец, тайна раскрывается, и муж, припертый к стенке, признается, что сын его. При этом неверный клянется, что с матерью ребенка его ничего не связывает!

Дальше больше - женщина предъявляет права на моего мужа, и говорит, что я уже пожила с ним, теперь ее очередь. Вместо объяснений, муж сбегает в командировку. А мы с дочкой собираем вещи и переезжаем в другой город, чтобы начать с нуля. Вот только лжец не оставляет меня в покое, потому что у меня под сердцем живет его сын! В новом городе появляются другие мужчины, я получаю работу в престижной больнице, и готова к новому после развода. И тут...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Лидия Лидова

В разводе. Не держи меня

Глава 1

– Егор, почему племянник назвал тебя папой?

– Ему так комфортнее. Он же без отца растёт. Тебе жалко, что ли?

Так ответил муж, а через пару дней я узнаю страшную правду...

Припёртый к стене неверный предатель огрызается, лжёт:

– Нет. Алёна, ты всё неправильно поняла. У меня есть только сын Доминик. Ему шесть. Агата мне никто, мы просто друзья.

Мое сердце гулко стучит.

– Егор, я посчитала... Андрей погиб в то же время, когда был зачат мальчик. Ты на похоронах брата утешал его вдову в койке?

Мерзко. Ужасно. Непрстойно.

Дом – полная чаша, муж, дочь.

Но счастье разбилось на осколки в один день. Дом продан за долги, мы на улице. Муж в командировке, как всегда.

Жена погибшего брата мужа предъявляет права на моего мужа.

Племянник супруга называет его папой.

Как сказать дочери и себе, что нашей семьи больше нет, и папуля не придет.

С чего начать новую жизнь... с малышом под сердцем.

Алёна Вертинская

– Послезавтра я иду на подсадку эмбриона!

– Нет, милая, не сейчас. Ты выбрала очень плохой момент.

Поправляю на себе розовый спортивный костюм, с грустью и толикой надежды гляжу в окно – там льет проливной летний дождь, и струи воды бегут по стеклу снаружи.

Создается впечатление, что сама природа оплакивает решение мужа.

– Егорушка, – подхожу ближе, глажу мужа по руке, – мне двадцать восемь лет, тебе тридцать, самое время родить второго ребенка.

Муж недовольно щурится.

– Алёна, я жутко устал. Вымотан. Ещё ты добиваешь меня. Пожалуйста, давай оставим этот разговор до следующего года. За это время я выпутаюсь из материальных проблем, ты – из психических.

– Из каких? – в ужасе гляжу на него. Отшатываюсь.

– Боги! Я неверно выразился. Прости меня, Алёнушка. Неверно подобрал слово, хотел сказать – ментальных! – бьет себя по лбу. – Ну, я про ту страшную депрессию год назад... когда ты потеряла плод.

– Плод? – мои глаза расширяются от ужаса.

– Нашему сыну было уже шесть месяцев, когда случилось непоправимое. – Сжимаю руки в кулаки, и губы в узкую полоску. Зубы сцепляются автоматически, и раздается устрашающий скрежет.

– Прости–прости, – муж бросается ко мне, целует мои руки. – Я такой дурак, не слежу за словами. Знаю же, что вы женщины бурно реагируете на любую неточность. Я сейчас так расстроен из–за всего, что не контролирую слова. Алёна, я считаю, что ребенок в этом году – преждевременно. Тебе нужно оклематься. К тому же, Лиза наша шестилетняя дочка очень долго страдала от твоего «отсутствия». Ты вроде была с ней, но тебя не было.

Делаю шаг вперед, вглядываюсь в лицо мужа, спрашиваю с надрывом.

– Неужели ты не хочешь наследника своей империи?

– Империи? – с горечью ухмыляется Егор. – Нет больше империи!

Я несколько дней ждала мужа из очередной командировки в Питер, и сейчас не понимаю его равнодушия.

Еще год назад он горел мечтой встретиться с нашим не рождённым сыном, обожал разговаривать с моим животом, а сейчас его как подменили.

Вергинский резко разворачивается, давая мне понять, что разговор окончен, и поднимается на второй этаж нашего красивого и благополучного дома.

А я остаюсь на месте, провожая любящим, но обиженным

взглядом его фигуру.

Внезапно до меня доходит, что я не должна уступать.

Я же всё решила, пока ждала мужа из бесконечных командировок в Питер.

Будь они не ладны. Как же они меня достали!

Но главное, я понимаю, что у меня гештальт не закрыт.

Я должна родить сына, чтобы отдать ему переполняющие меня материнские чувства, те самые, которые я берегла для первого мальчика.

Рождение ребенка стало навязчивой идеей.

Никто и ничто не способно остановить меня.

И что бы не говорил Егор про нашу дочку Лизу, он не прав. Малышке хватает моей любви и заботы.

Я даже на работу не вернулась после трагедии, посвятила себя дочери.

Лиза уже взрослая, она всё понимает.

Когда мне было плохо, она брала своих кукол и устраивала чаепитие в моей комнате, приглашая меня к столу.

Моя крошка никогда не бросала меня. Заботилась как умела.

Мое солнышко. Моя радость.

В отличие от ее отца...

Срываюсь с места, бегу за мужем.

– Егор, мы должны всё решить сегодня! Я уже записалась на подсадку!

Влетаю в спальную комнату.

Вертинский только скинул с себя одежду, и в боксерах направился к ванной комнате.

Но я как та самая черная кошка перерезаю ему дорогу.

– Сначала поговорим!

– Алёна, мать твою! – рывкает он. Время два ночи, мне завтра на работу. Тебе с дочкой – в садик. Почему ты не спишь? – смотрит с разочарованием.

– Я давно пью молоко теплое на ночь! – отвечаю ему спокойно. – Но ты даже не спросил меня об этом. Тебе не было интересно, да. Я давно вне поле твоих интересов. Вне игры. Я же заметила. Не слепая. Ты всё реже бываешь дома.

– Алёна! Если бы ты не думала только о себе, не лелеяла свою боль, то услышала бы меня. Вникла в размер моих больших проблем!

Хватаю супруга за руку, гляжу в его потемневшие серые глаза.

– Сейчас решим. Дай согласие.

– Я хочу одного! Принять душ. – Взгляд не просто недобольный, а ненавидящий.

Словно я и мой сыночек виноваты в том, что сразу после его ухода на небеса у Вертинского начались жуткие проблемы в бизнесе.

Пока я кружу вокруг мужа, к нам присоединяется кот Фёдор. Он многозначительно зыркает на меня желтыми колдовскими глазами, и тут же начинает тоже наматывать круги вокруг любимого хозяина.

Проходимец меховой! Я его кормлю, а он значит, истерики мне тут закатывает, требования выставляет.

– Фёдор, иди-ка ты отсюда! – легонько рукой направляю котяру к дверям. Тут же мелкий подлец оцарапывает мою руку.

Ну ладно, шерстяной, получишь у меня на завтрак собачьего корма!

– К коту надо с лаской, – учит меня жизни муж.

– Федечка, не пошел бы ты на... – мурлычу ласково, показывая коту пальцем на дверь. Но он лишь одаривает меня снисходительным взглядом. Словно у хозяина своего учился общаться с женщинами!

– Алёна, я тоже хочу с тобой поговорить о наших проблемах, – неожиданно муж меняет тактику. – Сейчас приму душ и обсудим всё, ладно?

Не успеваю ни согласиться, ни возразить. К тому же дико саднит рука, которую я по неосторожности сунула под когтистую лапу зверю.

Муж вырывается из моей западни, злой как черт направляется в ванную комнату, и... закрывается там на защелку.

Серьезно?

Мы с котом остаемся вдвоем, но не глядим в глаза друг другу. Каждый из нас претендует на общение с хозяином дома... и пока не ясно, кому оно достанется.

Радуется, что сейчас ночь, и доча спит мирным сном у себя в кровати. Иначе, Егор точно выбрал бы её. И нам не удалось

бы поговорить.

Но наш ангелочек спит и общается с феями, веря в идеальный мир, который для нее создали папа с мамой.

Глава 2

Алёна

Смотрю на дверь, слушаю как за нею бежит вода, ударяясь о кафель в душевой кабине.

Очень хочется присоединиться к мужу, но это невозможно. Сейчас он не хочет меня, а я хочу одного – сына.

Как можно скорее, поэтому простой метод в виде секса не подходит! К тому же мне до овуляции как до Китая. А без нее полная безнадега.

Мне двадцать восемь, и у меня проблем с фертильностью нет. Муж всего на два года старше меня, тоже здоров, но последние два года он страшно устает на работе, находится в постоянных стрессах и разъездах, поэтому зачать второго ребенка – проблематично.

Вот мы и решили прибегнуть к помощи ЭКО. Заморозили эмбрионы. И я спешу воспользоваться ими второй раз, чтобы дать жизнь сыночку.

Нервно тереблю волосы, закусываю прядкой волос и переглядываюсь с котом–обормотом, то есть Федей.

– Кыш! – шиплю на него.

– Ш–ш–ш! – оскаливается Федька, показывая мне четыре острых клыка одновременно. В дополнение к запугиванию использует сверкающие желтые глазищи.

Тоже мне – устрашител. Напугал ежиху –иголками.

Я же женщина, сама умею сверкать глазами, и зубки показывать.

Через десять минут из дверей ванной выходит супруг. Мокрые русые волосы взъерошены, торс влажный от воды с бисеринками влаги на загорелом теле, ноги мощные, атлетичные с красивым рельефом.

Одно полотенце намотано вокруг бедер, другое в руках.

Разглядываю самого сексуального и привлекательного мужчину в мире.

В Егоре нет изъянов. Мне нравится в нем все – тело, лицо, характер.

Возникает безумное желание прижаться к мужу, ощутить силу и тепло его груди, колючую щетину, обвить его крепкую шею руками, вдохнуть его мужской запах.

Оказывается, я соскучилась!

Кроме желания стать мамой второй раз, во мне дремлет стремление чувствовать себя любимой женщиной.

Делаю шаг, и тут же каменное напряженное лицо Егора останавливает меня.

– Алёна, не о том думаешь. Я устал.

– Есть хочешь? – внезапно вспоминаю, что приготовила несколько блюд к приезду супруга.

– Конечно, хочу. Но не буду. Уже поздно. Ты мне голову с порога заморочила, я забыл всё, что хотел, – ругается он.
– Я даже дочку не проведал.

– Она спит. С ней всё в полном порядке.

– Я могу ее поцеловать?

Егор сбрасывает полотенце, и остается в абсолютной наготе. Полюбоваться собою не дает, набрасывает на себя халат, и уходит к Лизе.

А я стою и жду.

Возвращается быстро, улыбается.

– Какая она сладкая, моя девочка.

– М–м, наверное, после теплого молока и булочки с корицей мы забыли с ней умыться, – говорю рассеянно.

– Я не удивлен! – смотрит на меня предосудительно Егор.

– Дорогой, вернемся к разговору.

– Боги! – Вертинский помогает коту найти выход и закрывает за ним дверь. Затем сбрасывает с себя халат, и ложится на расправленную мною кровать. Тут же накрывается одеялом, хотя обычно спит без него.

Подхожу ближе, сажусь на кровать на сторону мужа.

Мы совсем рядышком. И если меня это радует, то его точно напрягает.

– Мы пойдем на подсадку и родим малыша или малышку, – шепчу я с придыханием.

– Ты одержимая!

Да, я такая.

После потери сына, я полгода не могла спать, видела его во сне, просыпалась в холодном поту.

Тогда как бессовестный Егор спал как младенец.

Обидно, но факт.

– Алёнка, я очень сильно тебя люблю. – Муж протягивает руку, гладит мое лицо. – Но сейчас действительно не время. У меня очень много работы. И тебе не мешало бы вернуться на работу.

– Педиатром? В больницу. К детям? – спрашиваю дрожащими губами. – Может, я выйду на работу к тебе в фирму?

В шоке смотрю на лицо Егора, на нем непроницаемая маска.

– К сожалению, в моей компании сейчас нет вакансий, – отвечает холодно. – Мы на стадии банкротства. Назначен уже управляющий.

– Куда же я пойду работать? Я – детский врач.

– Врач... Может, в косметологию? Говорят, там неплохо платят. Закончишь курсы.

Это шутка, да?

Егор ведет себя как чурбан бесчувственный. Делает вид, что я требую от него чего-то запредельного.

Лежит так близко, что я могу протянуть руку, коснуться его модной стрижки, провести рукой по колючей щетине на лице.

И я впервые признаюсь себе в том, что мне не показалось, а действительно, он далеко и между нами глухая стена, которую ничем не пробить.

Поверить не могу, что всего за год супруг отделился от меня. И в этом есть доля моей вины, потому что я первая отпихнула его от себя. Мне было больно, и я не желала делить

эту боль ни с кем. Даже с ним.

– Егорушка, милый, это же я – твоя любимая девочка, Алёнка, – шепчу со слезами на глазах. В моем голосе разлилась бесконечная нежность.

– Я вижу, ты вернулась, – цедит он и бросает на меня уставший взгляд. Цепляется за розовый костюм, оттягивает ткань. Даже костюм яркий, по фигуре, а не мешок серого цвета. – Алён, ты прости меня. Но не всё так просто. За этот год, пока ты страдала, я выдохся. Как конь – бежал, бежал, за себя и за того парня и устал... Только пена из рта не идёт.

– Прости, – опускаю глаза. – Я понимаю, что виновата. Что забросила в первое время дом – тебя, дочь. Спасибо твоей матери, что она приехала и поддерживала нас. Если бы не мама Аля, я не знаю, как бы вы жили... без меня.

– Хорошо, хоть признаешь.

– Признаю, но исправить ничего не могу. Сейчас я полностью вернулась, восстановилась. По совету мамы Али я много работала над собой и сумела отпустить нашего мальчика.

– Молодец. Умничка. – Муж хлопает меня по спине, словно хвалит за оценки. – А теперь услышь меня, Алёна, у нас огромные материальные проблемы. Я попал по-крупному! Мы не можем позволить себе никаких материальных изысков.

– Изысков? Наш сын – это деликатес какой-то?! – в ужасе гляжу на мужа.

– Алёна! Мы фактически бездомные! – срывается он на

крик.

– Что? – моргаю глазами.

– Я заложил наш дом полгода назад и не смог выплатить кредит... Я запутался. Скоро нам грозит выселение.

Глава 3

Алёна

– И теперь дом отходит банку, – выдыхает Вертинский. И в комнате мгновенно становится не просто холодно, а невыносимо. Словно ледяной ветер с полюса бьет мне в лицо.

– Как это?

– Я всё сказал. Не бреди мне душу.

– Но мне надо в клинику, я уже оплатила посадку, – настаиваю я.

– Не смей ездить в клинику. Я тебе запрещаю! – чеканит он. – Мой сын не может жить на улице. А через год мы точно окажемся на улице, если не произойдет чудо. А оно не произойдет, потому что я не могу соображать, когда ты на меня давишь.

– Съемная квартира, – поправляю его.

– Алёна! Это одно и то же! Ездить на Форде, жить в съемной квартире, покупать продукты в масс-маркете – разве этого я хотел для своей семьи?! – срывается на рычание. – Глупая баба, давай сначала на ноги встанем.

Меня прошибает ледяной пот. Я качаюсь. Ошеломленно смотрю на него, словно впервые вижу.

Широкоплечий. Решительный. Властный.

Серые выразительные глаза, прямой нос, волевой подбородок. Сжимает зубы так, словно сдерживает себя изо всех

сил.

Считаю до десяти, беру себя в руки.

Заторможено смотрю на него.

Ком застревает в горле, не нахожу слов, чтобы выразить свою боль.

– Какая разница, будем мы жить как все люди втроем... или вчетвером? – судорожно сглатываю, в глазах набухают слезы, поднимаюсь с кровати.

Чувствую исходящую от Вертинского опасность.

– Ты поняла, да, через год, как только решим вопрос с жильем, – жестко припечатывает он. – Отправим дочку в школу.

– Не обсуждается. Почему надо ждать моему малышу? Он хочет появиться на свет, – я не понимаю, что происходит. – Сначала ты говорил, что это связано с твоей занятостью, потом с деньгами. Малышу не нужны деньги!

– Seriously?!

– Всё неважно... Егор, ты всё время находил отговорки. Может, ты меня разлюбил? У тебя есть другая женщина?

– Сбрендил! Я никогда тебе не изменял! Ты моя единственная женщина! – рявкает он. – От безделья сходишь с ума. Возвращайся на работу, Алёнка. Когда придёт время, забеременеешь сама.

– Всё в своё время! – Егор повышает на меня голос. – И не плачь!

Я ощущаю, как горькие обжигающие слезы бегут по мое-

му лицу.

Дорогой, я бы рада не плакать, но слезы обиды они такие – не поддаются контролю.

– Что будет, если я тебя не послушаю? – глухо спрашиваю я, изучая лицо мужа.

– Ухудшишь наше без того непростое положение. Заставишь маленького ребенка страдать.

– Жить в маленькой квартирке с любимыми родителями, по–твоему это страдание? Наблюдаться в бесплатной женской консультации, ездить в дешевой коляске... так живет большинство. И мы присоединимся к ним... На время, пока ты снова не окрепнешь. Да? – успокаиваю мужа, вселяю в него уверенность. Он должен знать, что я не заставляю его становиться бедным. Ведь это его убивает.

И я не понимаю почему. Ведь Егор никогда не рассказывал мне всего о своем детстве, о юности.

– Нет! Алёна, ты родилась в полной семье, твои родители – интеллигенты, и ты не знаешь, что такое жить в бараке! Не иметь денег на шоколадный батончик. Швыряться в урнах ради... Не иметь возможности вставить зубы, выбитые в драке... в драке за то, что тебя и твою семью обозвали «нищebroдами».

Словно устав от меня, муж разворачивается ко мне широкой спиной.

Качаю в отчаянье головой. Вся дрожу. Но уже знаю, что поступлю по–своему.

Делаю над собой усилие, проглатываю ком в горле из невыплаканной обиды, произношу с трудом:

– Может... у тебя есть сын на стороне?

– Совсем дура? – шипит муж, так красноречиво и шипяще, словно у Федора учился.

Резко сбрасывает с себя одеяло, выбирается из постели. Берет в руки одеяло и подушку, упругим шагом направляется к двери. При этом на меня не глядит.

– Посплю в гостевой сегодня. Мне нужно выспаться, а тебе видимо, от безделья совсем не хочется спать.

Он выходит, и я вижу черный хвост Феде, стоящий трубой. Гаденыш мелкий празднует победу надо мной. Хозяин достался ему.

А я остаюсь наедине со своим сформулированным желанием.

Сын должен родиться в этом году, а не тогда, когда решатся все проблемы Вергинского!

Наутро просыпаюсь очень рано.

Дело не в том, что меня грызет чувство недосказанности и нерешенности вопроса, а в том, что я женщина, и не хочу, чтобы муж уходил на работу расстроенный и голодный.

В конце концов, я любящая жена, и очень чутко реагирую на то, что происходит в жизни супруга.

А в его жизни сейчас одни сплошные разочарования.

Он хотел укрупнить бизнес, зашел на чужую территорию, и ему сломали не только крылья, но и хребет переломили.

Его компания разорена, при том, рейдеры осуществили захват изнутри. Разбили коллектив на две части, и половина целый год занималась сливом информации, уводом активной базы покупателей и кражей технологий.

В один прекрасный день люди уволились во главе с зачинщиком, нанятым конкурентами.

Муж не смог расплатиться по долгам, кредитам, взятым на товар. К тому же внезапно сгорел самый крупный склад с товарами. А документы оказались оформлены на склад неверно – его ввели в эксплуатацию раньше срока. В результате страховая послала Вертинского на три веселые буквы.

Сейчас, кроме меня некому поддержать мужа!

Я не буду надоедать ему со своими мыслями, просто буду действовать.

У него за спиной. Но другого выхода нет.

Зато, когда Егор, оклемается, у нас уже будет сын!

Принимаю теплый душ, надеваю легкое домашнее платье, очень красивое, яркого лимонного цвета.

Русые волосы собираю в низкий хвост. На ноги обуваю не тапочки, как обычно, а белые балетки. Домашние. Так сказать, для встречи гостей.

Спустя пять минут я уже бряцаю кастрюльками и сковородками, как заправский солдат, занявший место на своем посту.

Первым на кухне появляется дочка.

– Ма–ам!

Поворачиваю голову, мое солнце стоит у порога, в розовой пижаме с единорогами, с разлохмаченной копной русых волос.

– Проснулась, соня? – улыбаюсь ей. – Иди умываться!

– Папа приехал?

– Да!

– Ура! – бросается обратно к лестнице.

– Не буди его, пускай еще поспит.

Поздно. Топот детских ног раздается у меня над головой на втором этаже.

Глава 4

Егор

– Папулик, – слышу над ухом тихий голосок дочери.

Словно ангел воркует надо мной.

Как она меня нашла на чердаке?

– Папулик.

Через мгновение прилетает поцелуй в щеку, и еще один.

– Б–р–р! Ты колешься как ёжик.

Приоткрываю один глаз. Наблюдаю за дочкой. Вся в розовых единорогах. Серые глаза светятся от счастья.

Лиза всегда радуется моему приезду из командировки так сильно, что мне становится даже неудобно за себя. Чувство вины затапливает душу.

Пока дочь ждет меня в Москве, я играю с племянником в хоккей, в футбол, езжу на рыбалку, хожу в парк, в цирк.

Так уж сложилось, что, когда я в Питере, у меня и работы меньше и проблем, и времени больше в разы. К тому же, Агата никогда ни о чем не просит, не грузит домашними делами, не просит сгонять в девять вечера за хлебом.

Жена моего покойного брата точно знает, что должен делать мужчина, а что – доставщик или курьер.

Своего мужчину нужно беречь!

К сожалению, моей жене невдомек. В своих истериках она иногда забывает о том, что я тоже живой человек. Что я про-

сто человек со своими сложностями и слабостями, а не супер герой Халк.

– Зайка, – протягиваю дочку, треплю ее без того разломаченные волосы. – Папа соскучился по тебе.

– Останься дома сегодня. Не ходи на работу, – дочка льнет ко мне. Ложится на меня поверх одеяла, прикасается щекой к моей колючей щеке.

Знаю, что ей больно. Но она не отлипает. Лишь сильнее прижимается.

– Папочка родненький, – обнимает крепко за шею.

– Родненький? – смеюсь я.

Дочка как губка, что слышит, то запоминает. К тому же очень любит смотреть кино. Всякое–разное, даже старое.

Обожает махать юбкой как Монро, и приклеивать себе усы как у Чаплина.

А иногда надевает на голову колготки капроновые (мамины) и изображает кого–то не понять кого.

Точно станет актрисой, на худой конец, режиссером.

Мои мысли скачут с обанкротившейся компании к Агате и Доминику, обратно к жене и дочери. В промежутках вспыхивают всполохи с лицом мамы, у которой как всегда для меня уйма дел найдется.

И я понимаю, что никогда не освобожусь от бесконечных дел и командировок, поэтому решаю вопрос одним махом. Останусь сегодня дома, поеду с дочкой в центр развлечений или в парк. В ближайший торговый центр, на худой конец.

Пускай, моя Душенька повеселится хотя бы один день. Она заслужила хоть толику того, что я отдаю Доминику – сыну брата.

– Лапуть, я останусь дома, и мы проведем время вдвоем. Только я и ты. Погуляем, покатаемся.

– Уря!!! – доча визжит так громко, что я глохну на мгновение.

– Всё, меня контузило, – смеюсь, и приставляю к виску пальцы, делаю вид, что стреляю.

Моя актриса тоже притворяется, что оглохла, и как та самая обезьянка – закрывает маленькими ладошками то уши, то глаза, то рот.

– Актриса! Оскар в студию! – улыбаюсь ей безмятежно. На мгновение забывая обо всех проблемах.

Если племянник вытаскивает из меня энергию, заставляя повсюду бегать с ним, то дочка наоборот всегда дарит меня частицу себя и тонну энергии.

За что я ей очень благодарен.

И люблю я ее очень сильно.

И осознаю, что несправедлив к ней, обделяя ее своим вниманием.

– Беги к себе. Зубы чисть, одевайся в красивое платье, после завтрака поедем!

Моя девочка тут же скатывается с кровати и устремляется на выход.

– Осторожнее! – кричу ей вслед. Лестница, ведущая на

чердак уж больно крутая. – За перила держись!

Едва остаюсь один, как ощущаю прилив тепла к груди. Становится невыносимо больно за всю эту ситуацию, которую я создал своими руками.

Как сказать дочери, что у нее не будет этого дома, что ей придется расстаться с друзьями.

Впрочем, я уверен, что что бы не сказал ей, она меня простит, улыбнется, обнимет и поверит одному моему слову «Я всё исправлю».

Взрослую женщину сложно обмануть, а маленькую девочку – легко. Она слишком доверчива, потому что любит папу безоговорочно.

– Гадство!

Сам себе противен.

Сбрасываю с себя одеяло, выбираюсь из кровати. Она старая и трещит что-то у нее в матрасе. Пугает.

Отмечаю про себя, что Фёдора нет со мной.

Кто бы сомневался! Жена давно на ногах, значит, уже колдует на кухне.

Где Алёна – там вкусная еда! – Если это понимаю я, то Фёдор тем более. Это ночью ему было выгодно быть со мной, чтобы доказать, кто в доме главный.

Сейчас время завтрака – всё иначе.

Обвожу взглядом чердак, вспоминаю, что обещал дочери сделать здесь ремонт и передать ей комнату в качестве игровой.

Но так и не дошли руки.

А жаль!

Моя актриса устраивала бы здесь кастинги со своими куклами и подружками.

Вздыхаю.

Иду на выход. Спускаюсь по опасной лестнице, и принимаю душ.

Спустя десять минут уже люблюсь своим отражением в зеркале – высокий, стройный, в меру подкаченный мужчина. Русые волосы, темно–серые глаза, прямой нос, волевой подбородок.

Мужик как мужик.

Главное, бритый и одетый в чистую сиреневую сорочку, серые брюки.

Выгляжу пока не как бомж, – усмехаюсь я.

Набираю на мобильном телефоне нового управляющего моей компании.

– Савелий, тут такие дела. Я вчера ногу ушиб, сегодня отлежусь дома. Нет. Видеосвязи не будет. – Резко отключаюсь.

В конце концов, я уже ничего не решаю в своей чужой империи.

Я словно зритель.

Как житель выгорающей дотла Помпеи, имею возможность лишь наблюдать.

Мне отведена роль того, кто будет идти по пеплу и смотреть на останки своего детища.

А затем как феникс я буду возрождаться.

Но это потом.

Пока нет ни физических, ни моральных сил. Ни денег. Ни активов под кредиты.

Стоп!

Я снова загоняюсь.

Мотаю головой из стороны в сторону, когда за мной прибегают нарядная и веселая Лизка. Хватает меня за руку, тащит на кухню, где нас уже ждет праздничный стол с тучей блюд.

– Надо же, не овсянка, – усмехаюсь я.

– Овсянка? – жена удивленно глядит на меня.

И я осекаюсь. Потому что в этом доме овсянку с ягодками дают только Лизоньке.

Овсянкой меня кормила Агата...

Фёдор словно чувствует, как я замер на неловкой паузе, предосудительно зыркает на меня жёлтыми фарами.

Котяра блудливый! Предатель. За миску с красной рыбкой готов продать?

И в этот самый момент звонит телефон.

– Агата? – спрашиваю удивленно.

Жена тут же вскидывается, глядит в упор. А дочка продолжает строить планы на этот самый хороший в ее жизни дружеский день с папой.

Глава 5

Егор

– Агата! Говори громче, пожалуйста, ничего не слышу...

На самом деле я продолжаю слушать дочку, тараторящую без умолку с мамой.

– Папа обещал свозить в контактный зоопарк! – бубнит дочурка.

– Да, помню, – соглашается с ней Алёна, пытаюсь вернуть внимание дочери к завтраку. – Но вроде бы речь шла о кафе с кошками?

– Не-ет! – тянет забавно дочь. Затем сползает со стула и уносится в дальние дали. Возвращается спустя пару минут с фотографией, на которой изображены две милые альпаки. Млекопитающие из семейства верблюдовых, внешне напоминающих овцу, или маленького верблюда с мягкой челкой, длинной шеей, большими глазами и озорными улыбками.

Дочь тычет фото в руки сначала матери, затем мне.

– Парк Альпак «Симба» – контактный зоопарк с альпаками на Воробьевых горах, – тут же говорит жена, и с готовностью соглашается свозить дочку на экскурсию–общение туда.

За что я благодарен Алене.

Но Лиза отрицательно мотает головой.

– Не-ет! Я с папой поеду. Сегодня.

– Детка, тебя ждет детский сад, а папу – тяжелая работа.

– Не-ет! Папа сегодня выходной! – громко кричит дочь, он обещал провести со мной дружеский день. Только я и он!

– Ты выходной? – Агата, всё это время слушающая внимательно трель моей дочери, пытается вставить слово.

– Да, – отвечаю жестко. – Взял день. Очень устал. Нужен отдых.

О том, что мне нужен отдых именно с дочерью, которая наполняет меня положительной энергией я умалчиваю.

– Это хорошо. Сможешь встретить нас с Домиником. Мы прилетаем в столицу в тринадцать ноль–ноль. Уже выезжаем в аэропорт.

– В командировку?

– Бери выше! – голос жены погибшего брата Андрея очень радостный и в то же время загадочный.

– В отпуск? – спрашиваю у собеседницы, при этом переглядываюсь с недовольной таким поворотом дел женой.

– Это здорово. Все вместе завтра рванем в парк с альпаками. Дочка просит уже месяц, чтобы я познакомил ее с маленьким верблюдом.

– Стоп. Вертинский, ты что забыл? Мы же полгода назад были в парке с альпаками. Возили туда Доминика. Хочешь совместное фото вышло. Мы же тогда много сделали фотографий, и ты ни одну не подарил дочери?

Тру лоб рукой.

Как же нехорошо получилось. Племянника я уже позна-

комил с дружелюбным созданием, а дочка до сих пор ждет. Вот и сейчас она смотрит на меня в упор своими серыми пристальными.

– Слушай, Вертинская, ты прекрасно знаешь, какие у меня сложные последние месяцы выдались. Я не могу помнить обо всем на свете.

Я лукавлю.

Специально не показал фото жене, потому что слишком явно прослеживалось на них сходство между мной и племянником. Сыном.

Конечно, мы похожи с Андреем, но всё же.

Лучше подальше от правды.

Алёне эта горькая правда ни к чему. Как и матери. Она едва успокоилась после потери мужа, затем – сына. Ей не нужно знать подробности их ухода из жизни.

Авария, значит, авария!

– Папуля, – дочка смотрит на меня внимательно.

Я показываю ей рукой, чтобы не болтала, прикрываю рот, как ее любимая обезьянка.

Она тут же повторяет за мной жест.

Я тем временем отвечаю родственнице:

– Пришли эсэмэской, какой рейс, во сколько прибытие, в какой аэропорт.

– Хорошо. Ты на джипе? – интересуется Агата.

– Джип продал. Сейчас у меня бэушная Тойота. Ты же понимаешь, не до шика, не до условностей.

– Плохо.

– Что плохо? – злюсь я.

– У нас очень много багажа!

– Зачем? В отпуск на море рванете из столицы?

– Нет... – голос Агаты становится серьезным. – Мы с сыном перебираемся жить к вам...

Мир обрушивается на мою голову.

– К нам???

– Не паникуй, – смеется Агатка. – К вам – в Москву. Я теплое и жирное местечко получила в крупной айтишной корпорации.

– Вот как? Поздравляю.

Дочка бросает еду, явно понимая, что что-то идет не по ее плану. Алёна тем временем бросает бороться за теплый семейный завтрак. Тоже всё бросает и смотрит в упор на меня букой.

– Слушай, я возьму у друга минивэн. Сколько мест? Пятнадцать. Вместится. – отключаюсь.

Гляжу на семью. Мои девочки явно ждут от меня объяснений.

– Агата переезжает в столицу. Рейс сегодня. Нужно встретить в обед.

– Как же мы? – интересуется Алёна, и её руки дрожат от негодования на всю эту ситуацию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.